

СТЕПНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Золотисто-пряные букеты жёлтой акации наполняют дом ароматом вязкой медовой сладости. Весна... Вторая с тех пор, как Маринка, получив диплом учителя начальных классов, оказалась в этих степных краях. Когда-то ещёотцветёт акация, наступит лето и всё изменится, а пока она кое-как хлопочет по дому, не замечая того, что делает, подчиняясь естественному ходу событий. Всё замерло в ней в ожидании, девятый месяц она живёт в своём удивительном мире, в котором ей и хорошо, и плохо, и живот, превратившийся в большое драгоценное пузо, носить ей с каждым днём всё труднее. Уставшая и очарованная, внутри она всеми силами плоти и души непостижимо и упрямо творит чудо. Два раза её возили в город, и доктор показывал младенца на экране своего аппарата, но она разглядела только очертания круглой головки плода, как назвал его врач, и узнала, что всё в порядке и пороков развития нет. Тем и успокоилась, так и не сумев, однако, постичь эту тайну. Зимой она глядела на детей в классе и думала о своём, а весной, когда начали выводиться гуси, подолгу рассматривала скорлупки с остатками прозрачной слизи на оболочках и грела в руках мокрых полусонных птенцов. Внутренним потаённым взором, появившимся с беременностью, она научилась ощущать свою утробу, тоже похожую на яйцо, только без скорлупы, и тельце, лежащее в тёплой влаге. Муж подтрунивал над ней, а младенца называл «чувачок».

Сашка устроился охранником в городе: за шестьдесят километров, сутки через трое. Отгоспавшись после дежурств, он выпивает с друзьями и возвращается поздно, когда она уже спит. Свекровь жалеет её, сироту, которую кое-как успела довести до ума бабушка, едва дожившая до внучкиного совершеннолетия. Она пытается вразумлять сына, но без особой надежды, потому как знает, от кого родила, а наследника ждёт с нетерпением, и, видя невесткину потерянность, сама припасает необходимое. Сегодня у Сашки зарплата, и она, оставив Маринку на хозяйстве, чем свет уехала вместе с ним в город, чтобы купить кровать.

Маринка ставит варить курицу, метёт пол, кормит гусей, усаживается чистить картошку, но становится неудобно, тянет поясницу, потом как-то по-особенному тяжелеет внизу живот... И вот «Скорая», выдавшая виды серая «буханка», стоит у ворот, а водитель, подсаживая её, говорит, что фельдшер слеглас радикулитом, а медсестра отпросилась, будет только завтра.

С тех пор, как в деревне закрыли больничку, оставив амбулаторию, дядя Федя с его «буханкой» стал чем-то вроде местного достояния. Рабо-

та требует днём и ночью быть на посту, не терять её ни при каких обстоятельствах, а выпивать лишь по выходным и праздникам. Он мучается, но держится. Устроив Маринку в кабине рядом с собой, полушутя-полусерьёзно приказывает терпеть до района, а это минут сорок при удачном раскладе.

Хоть дядя Федя и осторожничает, «буханка» всё равно подскакивает на каждой кочке, да так старательно, будто только за это ей и светит капремонт. Маринка держит живот, растопыривая пальцы, прижимая его с боков локтями, и ей бы молиться, но слова путаются в голове. Перепуганная и потерянная, она ещё сильнее обнимает своё сокровенное, пряча и защищая от чего-то неизведанного и потому пугающего, и в страхе закрывает глаза. И тогда ей кажется, что машина не мчится по дороге, дребезжа и сотрясаясь, а летит в свободном падении, провалившись в бездну могучей, пробуждающейся степи, поглотившей их и увлекшей в своё необозримое пространство, наполненное солнечным теплом и никогда не иссякающим раздольным ветром, от которого у неё начинает кружиться голова. Ветер врывается в кабину через приоткрытое окно, и воздуха становится так много, что он мгновенно наполняет до отказа её лёгкие, и без того поджатые животом. Трудно дышать, даже больно... Она откидывается на спинку неудобного сиденья и думает о том, что так, наверно, было уже однажды, в первые секунды её жизни, когда она сама сделала первый вдох. И только что проснувшейся памятью запомнила это. И тут же забыла.

После развилки дядя Федя решительно сворачивает с разбитого грейдера на дорогу между полей, уже подсохшую и неплохо накатанную. Тут тоже трясёт, но по ней можно куда быстрее выскочить сразу на трассу. Когда «буханка» вдруг несколько раз подряд дёргается, Маринка еле успевает упереться одной рукой в лобовое стекло, чтобы не упасть, и до неё доносится непонятный стук. Дядя Федя кроет матом начальство, останавливается, вылезает и поднимает крышку капота. Маринка тоже выбирается из машины. Прислонившись к «буханке», она корчится от пронзающей её боли, стонет, терпит, но боль так сильна, что сдавленный крик, чужой и дикий, вырывается из неё. Так она не кричала никогда в жизни. Уносимый ветром, он катится по степи, мчится по бутонам тюльпанов и рассыпается по молодой траве. Маринка опускается на землю и ложится на бок. Боль на время стихает, и она, наслаждаясь долгожданном покоем, смотрит вдаль, чувствуя щекой прохладу не-прогретой ещё земли. Как после жарко натопленной бани, по телу растекается неожиданная тающая слабость. Её баюкает запах цветов и успокаивает прикосновение новорождённой травки, отливающей на солнце изумрудом юной наивной зелени и манящей щекотливым дыханием. Чуть затуманенным взором она смотрит на бескрайнее полотно широко разливающейся волнующей степи, расцвеченное живыми красками неутомимого созидания, и где-то среди этого природного холста видит себя. Она ничтожная часть этой неизмеримой картины, точка на ней, почти незаметная, жалкая в своей беспомощности. Вспышками, мгновениями в ней вновь оживает утробная память, чем-то неизбывным, доступным ей одной. Степь смотритна неё тысячами глаз разноцветных тюльпанов и спокойно дышит в лицо умиротворяющим беспощадным ветром. Дядя Федя нервно что-то ладит в моторе, сплёвывая в сердцах в сторону. Маринка переворачивается на спину, глаза расширяются и блестят. Над ней парит чистейшее небо, обнимающее безграничный простор, как взрослый ребенка. И степь, только что казавшаяся ей бескрайним океаном, на глазах превращается в цветной коврик в громадной комнате без потолка, с едва угадывающимися стенами вдалеке, с окнами где-то за горизонтом, которые отсюда не рассмотреть. Она глядит в слепящую бездонную голубизну, и незнакомое чувство бессилия перед пространством завораживает её, заставляет замирать от страха

и восторга, и плакать от безысходности. Но боль возвращается, и новая жизнь, которую она так долгомучительно и восторженно творила, разрывает её с болезненной неуправляемой силой, и Маринка снова скукоживается и стонет. Внутри что-то лопается, она вздрагивает и растерянно смотрит вокруг огромными от ужаса просветлёнными глазами, а по ногам разбегаются тёплые тонкие струйки.

Дядя Федя с тревогой во взгляде хлопает крышкой капота и, кое-как подняв Маринку на ноги, подсаживает в кабину. Он велит кричать громче, не стесняясь, и они едут дальше. Она стонет от боли, закрывая глаза от страха перед неизвестностью, но какое-то непонятное, скрытое впереди величие неотрывно смотрит на неё глазами младенца, уже готового родиться и начать жить под этим могучим небом.

Его сжимает со всех сторон. Особенно тесно становится, когда снаружи доносятся знакомые звуки. И чем больше его сжимает, тем громче и отчетливее они слышатся. Ему тоже хочется кричать, но рот лишь приоткрывается беззвучно и беспомощно. Ему страшно, и он запомнит этот страх, и тут же забудет его. Он упирается головой в ложе, ещё сильнее прижимая к себе ноги, скрещённые и упёртые коленками в живот. Жизнь, скрытая в нём, так велика и полнокровна, что ей уже тесно в его привычном доме, всегда удобном и вполне сговорчивом, который вдруг изменился. Ожидание заполнило его, но ожидание не бывает бесконечным. Сначала дом заставил его перевернуться и даже помог это сделать, так что пришлось расположиться вниз головой, а вскоре по его стенкам побежали волны, потом ещё и ещё... Волны повторялись, снаружи слышались громкие звуки, а в них – беспокойство и тревога. И страх! С той стороны его крепко, но бережно держали. А потом мимо что-то зашкотало, и вдруг вокруг стало как-то больше места, но исчез прежний уют, ворочаться теперь было не так удобно, как раньше, когда он плавно передвигался, будто плыл. Волны накатывали снова и снова, сильно, но осторожно сжимая его, и с каждой по капельке, на расстоянии едва ли больше песчинки, всё глубже проникал куда-то. И хоть стало неудобно, но всё, что его окружало, было вместе с тем податливым, и оно настойчиво двигало его вперёд, толкало, а он подчинялся. Когда он внедрился во что-то очень узкое, то сначала остановился, а потом, неожиданно быстро перевернувшись вокруг своей оси, снова двинулся головой вперёд, но плечи упёрлись с боков, и он застрял. Голову сдавило и, пожалуй, могло вот-вот раздавить. Он был сжат так сильно, что не мог шевельнуться. Всё стихло. Он замер, притаился... А в следующую секунду его, и так сдавленного, сдавило ещё больше. Всё вокруг натянулось, готовое в любой момент разорваться, а ещё через мгновение тишина рухнула, и звуки оглушили его. Что-то яркое больно ударило в глаза, ослепило, его тело пролетело через сжимавший его проход, и всё вдруг стало по-другому... Он испугался. Но этот страх тут же сменился другим внезапным страхом – его обожгло изнутри. Что-то стремительно ворвалось в него, и он испугался так, что закричал. Наконец-то он смог это сделать. И ещё больше он испугался этого крика, такого пронзительного, самого громкого теперь из всех звуков. И что с того, что он никогда этого не вспомнит, ведь это не беспамятство вовсе, а то время, когда память уже есть, но затаилась и ещё не проснулась.

Хотя он ещё чувствовал близость дома, его уже подхватило что-то другое, и волны, баюкавшие раньше, вернулись к нему. Они пришли иным путём, звучали тихо, но он узнал их и перестал кричать. Это случилось с ним, когда «буханка» уже вернулась в деревню, и весёленький дядя Федя рассказывал всем на улице про трудную дорогу и про то, как от Маринкиного крика чуть сам не упал в обморок. И когда лучи нежаркого солнца, обогнув опустевший дом учительницы и перестав с нетерпением заглядывать в его окна, уже успокоились и скрылись за углом, где во всю сладко цвела акация, сроку ей оставалось недели две.

О ЧЁМ ГОВОРИЛ ДОЖДЬ

Молодой человек сидел в машине и беспокойно всматривался в мутную пустоту старого питерского двора. Он был напряжён и взволнован и, когда, постучав в боковое окно, дородная дворничиха жестами попросила поделиться сигареткой, стал так суетливо и растерянно рыться в карманах, что она спросила, всё ли у него в порядке. Он не ответил, приоткрыл окно и угостил тётку. Спрятав сигареты в карман, та недовольно поморщилась, посмотрев на свинцово-тяжёлое небо:

– Дрянь погодка. Пряма займи, но выпей.

Молодой человек растерянно кивнул и включил дворники. Картинка за стеклом прояснилась, и он снова уставился на двор, залитый моросью и грустной неопределённостью, которая часто возникает в такую погоду, ведь неизвестно, как долго это продлится. Тётка не уходила. Он порылся в карманах и протянул ей сотенную.

– Ой, спасибо, – обрадовалась дворничиха. – Жену тебе хорошую, добрый человек.

Широко рассыпавшись по окрестным дворам, дождь уже давно околывался у его машины. Облюбовав крышу и лобовое стекло, он шустро отбивал чечётку в каком-то своём, небом заданном ритме, потом, устав, приостанавливался ненадолго, переминаясь струйками едва слышно, и тут же переходил в ошеломительно громкий канкан, ударяя по стеклу и над головой с силой барабанных палочек и мощностью каблуков танцевальных туфель. Но человек не замечал ни движений дождя, ни его говора, который вторил им размеренным многоголосьем, а стихая – ненавязчивым шёпотом, и оставался безучастным к нему даже тогда, когда тот решительно зазвучал стройным хорovým напевом, неожиданно и гармонично соединив голоса струй в могучий и властный, дальнозвучный монолог избыточного ливня. Ничего не поделаешь, дождь любит поговорить, и сидящий в машине человек знал это, но теперь тот говорил долго, спокойно и уверенно, заставляя слушать себя. Он говорил о любви. Раньше молодой человек думал, что о любви, если и говорить, то непременно с восторгом, забравшись на высокое место и крича, набрав полную грудь воздуха: «Я люблю-ю-ю-ю... Люблю-ю-ю-ю...» Так и было с ним однажды. Однажды это бывает. Можно ещё красивыми пустыми словами, но едва ли меньше можно сказать молчанием, глазами, чуть заметным жестом, дыханием, прикосновением... Или долго, спокойно и уверенно, как питерский бесконечный дождь, говорил теперь этому человеку, который его не слышал. Во всём облике его было что-то решительное, застывшее в отчаянном порыве стремительного действия, поступка, сиюминутная готовность к которому отражалась на лице. Молодой человек имел ту беззащитную бледность лица, которая встречается только в юности, и лишь трёхдневная небритость и напряжённый упрямый взгляд выдавали в нём мужчину, до конца осознающего цель своего пребывания не только в этом конкретном месте.

Ещё недавно ему казалось, что всё уладилось, сложилось, устроилось, а он смирился, свыкся, стерпелся... Ну, почти. Но ничего не получалось. Ровно до того момента, когда позвонил Оппонент, а потом она. Голос Ольги был большой, измученный:

– Он требует оставить его, а я не могу. Всё остальное неважно.

– Я тоже «всё остальное»?

– Нет... Мне надо быть рядом, ухаживать, помогать. Это сейчас важно.

– Он звонил мне... Чтобы я забрал тебя, сказал, что о переводе в Москву договорится.

–Я не поеду.

–А как же мы?

Она не отвечала. Тишина звенела между Питером и Москвой. Он ждал. Отключить телефон означало то же, что рубануть по живому, точно зная, что это уже никогда не срastётся.

– Но я – твоя среда. Воздух, жизнь! – не выдержал он. – И ты для меня всё! Мы же одна стихия, один организм, который нельзя просто взять и разделить на две части. Я не могу без тебя!

Макс наделал много шума в научных кругах, защитив вызвавшую много споров кандидатскую по климатологии. Диссертация не была для него самоцелью, равно как и учёная степень, но позволила получить место в Арктической российско-германской исследовательской программе, которую совместно проводили на базе станции «Остров Самойловский» в дельте Лены Институт полярных и морских исследований им. Вегенера с их стороны и Арктический и антарктический НИИ Росгидромета с нашей. Это означало, что, продолжая заниматься наукой, он мог ещё и неплохо заработать. Со своей девушкой Дашей Макс тогда жил в съёмной комнате. Ожидания оправдались: международный проект хорошо финансировался и, кроме коммерческих, включал и чисто научные гидробиологические и климатические исследования, а также наблюдения за потоками парниковых газов из мерзлотных почв. Именно этими потоками был одержим Макс и хотел доказать, что они отмечаются в дельте и в зимнее время, а не только в межсезонье. По его мнению, это объяснялось процессами морозобойного растрескивания грунтов. В той командировке ему сразу удалось собрать большой доказательный материал, и, несмотря на то, что после неё он написал и выпустил солидную монографию и опубликовал две статьи в толстых научных журналах, до дрожи хотелось работать дальше. Когда через год им с напарником-климатологом, с которым в том проекте они хорошо сработались, предложили поучаствовать в сезонной исследовательской работе, Макс радовался, как ребёнок. И хотя на «сезонку» подбирали состав не так тщательно, как на длительные проекты, всё равно это была большая удача. Но жена Шурика только что с большими проблемами родила близнецов, и он принял решение остаться в Москве. Оно далось тяжело, но было единственно правильным в этой ситуации.

– Что там делать без Шурика? Завтра же откажусь от командировки, – с порога ошаршил Макс Дашку, швырнув шарф мимо вешалки.

Она сначала устроила скандал, а потом разрыдалась в истерике. Он ненавидел её в такие моменты, особенно, когда приходилось выбирать между наукой и деньгами, но убеждённости в том, что с ним, таким неудобным в быту и в отношениях, трудно быть рядом, опять победила. Она мечтала о семье и доме, в то время как ему и съёмной комнаты вполне хватало, чтобы переждать время между командировками. Когда он уезжал, они звонили друг другу, писали, мечтая просто физически быть рядом, чтобы держаться за руки, засыпая, обнимать друг друга, и вопреки всем «но» любили на расстоянии, верили, что это возможно, и всё чего-то ждали.

После отказа Шурика почти месяц Макс томился неопределённостью. Кто? Ну, кто? Когда пришло известие, что его заменит дама из Питера, командировка показалась не такой безнадежной, потому что он встречался с Ольгой на конгрессах, был в курсе её кандидатской и знал, что парниковые газы в мерзлотных почвах Арктики её волновали едва ли меньше, чем его, но опасения всё же были. При проведении натуральных исследований на себе надо было таскать аппаратуру, взятые для анализа образцы льда, воды и снега, грунта, довольно далеко ездить на точки отбора проб, терпеть неудобства, а тут женщина... Даже крайне неприхотливые научные дамы крайне редко попадали в подобные проекты, и только на сезонные исследования, но в случае с Ольгой было одно обстоятельство, которое оказалось решающим. Одним из руководителей работ на этот раз утвердили члена-корреспондента Академии наук, который выступал оппонентом по её диссертации. Он-то и замолвил сло-

вечко, понимая насколько важно для неё быть там. Поговаривали, что работа над диссертацией их очень сблизила, и членкор потерял голову, ещё пребывая в оппонентах, но личная жизнь Ольги Макса интересовала меньше всего. Гораздо важнее было то, как они сработаются.

Его опасения оказались напрасными, она не хуже Шурика критически мыслила и была незаменима на натуральных исследованиях. А если бы можно было организовать систему жизнеобеспечения учёных, позволяющую выходить из лаборатории и не спать, она бы не выходила и не спала. Ольга не отличалась ни красотой, ни обаянием, что не редкость для учёных дам, но было в ней нечто искреннее и неподдельное, что-то невыразимо близкое ему, заставлявшее думать о ней, со счастливым нетерпением ожидать следующего дня, чтобы вновь вместе прожить его. Да и она стала другой, превратившись из серьёзной и деятельной научной сотрудницы в весёлую и энергичную женщину, которая теперь чаще смеялась и улыбалась, не упуская случая подшутить и над ним.

Два месяца пролетели незаметно и сопровождалась только невинными шутками коллег по поводу их ежедневной многочасовой работы в лаборатории, на которые ни они, ни Оппонент, так прозвал его про себя Макс, не обращали внимания. Однако после очередного выезда на «натуру», когда весь день они мотались по самым удалённым точкам отбора проб воздуха, льда и снега, а водитель вездехода во время остановок старался держаться в сторонке, оба почувствовали, что им удивительно хорошо вместе. Незаметно и естественно, и не вдруг вроде бы, но сразу и окончательно их накрыло с головой нечто, чему они пока не могли даже дать названия.

Поначалу Макс даже испугался. Нет, не чувств, не новизны ощущений, он испугался своего непреодолимого желания быть с ней во что бы то ни стало. Он знал, что она тоже этого хочет, потому что видел её глаза и, как мужик, должен был всё устроить. Да, Дашка сразила его когда-то своей разносторонней натурой, окружила домашним теплом, пробудила страсть и, как казалось, любовь, но Ольга... Они совпадали во всём. Конечно, они не были одинаковыми людьми, но их естество будто состояло из одного вещества, души – из одной субстанции, а темпераменты, дополняя друг друга, превращались в одно органичное целое, поражающее своей законченностью.

Оппонент пытался делать вид, что не замечает происходящего. Мудрость, которая приходит к мужчине с годами, неожиданно для них самих делает их ко многому терпимыми, в том числе и к тому, за что раньше они могли бы убить. Он понимал, что Ольга молода, и знал о неоднозначной натуре Макса, поэтому успокаивал себя тем, что она перебесится, а с ним рядом вряд ли кто-то сможет быть. К тому же он хорошо знал научную среду и понимал, что взаимоотношения и близость здесь определяются не только чувствами и симпатиями, но и иными вещами. Люди, увлечённые научным поиском, годами сидят рядом в одной лаборатории, думают об одном и том же, смотрят по очереди в один микроскоп, ездят вместе в экспедиции, на конгрессы, конференции... А ещё бесконечные часы в библиотеках, совместное написание статей и книг, обсуждения, споры и узкий, очень узкий круг общения. Со временем как-то само собой это закономерно превращается в необходимость, неизбежность, может, даже в предопределённость, и между ними начинается происходить что-то... Любовь? Случается, но ещё сотрудничество, дружба, понимание, уважение, привычка, где-то даже необходимость быть вместе – всё так переплетено, так запутано. Он очень многое дал Ольге, рядом с ним она обрела стабильность и уверенность в себе, интим с ним был ей приятен. Со временем они привыкли быть вместе. Его всё устраивало, каки её. Но – любовь встала поперек мудрости.

Однажды вечером, на исходе второго месяца работы, зайдя за ней в лабораторию, он застал... целующихся. Ольга выбежала вон, а Оппонент накинулся на Макса, но драки не получилось. Схватившись за сердце,

он отстранился от соперника. Врача вызывать запретил, таблетки оказались при себе и боль вскоре отступила. Когда отпустило, он коротко и зло наорал на Макса, но, уходя, словно говоря сам с собой, не глядя в его сторону, произнёс уже тише и спокойнее:

– А я всё тянул с женьбой. Считал, что главное – родственную душу найти и быть вместе.

Макс, надеясь быть правильно понятым, ответил:

– И я так думал, но быть вместе и держаться вместе, оказывается, не одно и то же.

Он просил отпустить её, но Оппонент снова накричал и удалился.

На следующее утро, сидя с каменными лицами за рабочими столами, Макс и Ольга пытались сосредоточиться на деле. Мучения продолжались две недели, работа почти не двигалась, оба были измотаны, она рыдала дома, он не мог заснуть и за ночь выкуривал по пачке сигарет. Оппонент горстями глотал таблетки и пил коньяк. На исходе второй недели рано утром, когда все ещё спали, он постучал в дверь Макса.

– Что случилось? Ольга? – испугался тот.

– Она сидит у окна. Всю ночь так просидела. Пошли.

В комнате их блока у окна действительно неподвижно спиной к входу сидела Ольга. Макс подошёл к ней, но она, казалось, его даже не заметила. Оппонент указал ему на место в другой стороне комнаты.

– Не, знаю, что это, кара или счастье? – закурив, нервно начал Оппонент. – Деться отсюда некуда. Надо вытерпеть. Вопрос: как? Мы живём в разных комнатах, на планёрках и в столовой по-прежнему будем появляться вместе. Это ... – он тяжело выдохнул, – очень трудно, но с работой, пожалуй, сложнее. Работать вы можете только как роботы, поэтому придётся на основе утверждённого плана составить что-то вроде ещё одного, более подробного руководства и строго его выполнять. Главное, справляться с ежедневными объёмами, так вы уложитесь в график и отработаете деньги.

Каждый день они входили в лабораторию, на «автомате» проводили расчёты и анализ... Мучительное напряжение, улыбки через силу в столовке, когда кто-нибудь травил анекдоты, жёсткий план... Невыносимо долго тянулись минуты разговоров с Дашкой. Он с трудом выслушивал её о перипетиях судьбы и тяжести разлук, поддакивал, облегчённо вздыхал, когда нарушалась связь.

Оппонент «сгорел» первым. Возраст напоминает о себе. У него случился инфаркт, и вертолётom полярной санавиации Оппонента отправили в краевую больницу. Ольга улетела с ним.

Все как-то отстранённо вели себя. Максу казалось, что он будто повис в вакууме вынужденного расставания. Растерянный, подавленный, он сидел в лаборатории или лежал на койке в своём боксе, не переставая курить, чувствуя и свою вину в том, что случилось. Невыносима была жизнь без неё.

Шли дни. Напрасно он пытался заставить себя работать – ничего не получалось, всё валялось из рук. Когда в лабораторию забежал тот самый водитель, возивший их с Ольгой на натурные исследования, и позвал в баню, он в первый момент даже не понял, о чём идёт речь. Но парень так нахваливал баню, что Макс сдался и, прихватив из шкафа два чистых полотенца для вытирания рук, всё же пошёл. Баню топили редко, чаще мылись в душе. Но на этот раз она оказалась и правда грандиозной: пар наготовил кваса. Они парились, выходили, пили квас, отдыхали, снова шли в парилку, потом высказывали на улицу... После Макс долго и основательно тёрся мочалкой, намыливался, смывал пену, снова тёрся, и, когда на исходе второго часа вышел, чтобы отдохнуть и одеться, первое, что пришло в голову, было сознание того, что что-то изменилось в нём.

В ту ночь он спал крепко и спокойно, чуть не опоздал на утреннюю планёрку. Работалось легко, всё получалось, тяжесть переживаний словно осталась там, в бане, ушла и растаяла вместе с грязной пеной, кото-

рую он так старательно смывал. Работу он завершил в срок, а возвратившись в Москву, снова окунулся в привычную жизнь. Ольга и Оппонент были в Питере, на его звонок она не отвечала.

Дашка взяла отпуск и не отходила от него. Он почувствовал себя окружённым заботой, нужным ей, необходимым даже. Потом они ввалились в ипотеку, начали делать ремонт. Было пусто и просторно в их долгожданном жилище, а в отношениях – спокойно и гладко. Жизнь потекла «как у всех». Но стоило Максу вернуться в институт и взять в руки материалы, перед ним возникала Ольга... Он пытался анализировать или хотя бы систематизировать наработки последних месяцев, чтобы сравнить с полученными ранее, но безуспешно. Голова отказывалась думать. Коллег пугал его измученный вид, они осторожно спрашивали о самочувствии, но он молчал, в конце концов, все отстали, единодушно списав это на проблемы акклиматизации. И неизвестно, сколько бы так продолжалось, но спустя три недели позвонил Оппонент и вечером того же дня – Ольга.

...Подъезжая ранним утром к их дому, в одном из дворов Петроградской стороны он увидел знакомую фигуру. Сунувшаяся, похудевшая, Ольга брела от подъезда к выходу на проспект, опустив голову, ничего не замечая вокруг, шла медленно, как-то осторожно и с трудом. Наверно, ему следовало броситься за ней, догнать, что-то сказать, сделать, но не было сил, и не было слов. Только когда Ольга исчезла из виду, он понемногу стал приходить в себя и решил, дождавшись её, выйти навстречу.

Но позвонил Оппонент:

– Ты уверен? – спросил он, почему-то тяжело дыша в трубку.

– Да.

– Тогда вон отсюда. На площадке в парадной вещи.

Макс перенёс чемодан и две огромные сумки машину. Когда появилась Ольга, мокрая от дождя и такая же потерянная, он вышел ей навстречу. Она спокойно посмотрела на него долгим отрешённым взглядом, вытерла холодной ладонью капли дождя с его лица и, ничего не сказав, вошла в парадную.

Он ждал больше часа. Хотелось броситься туда, схватить её, сидящую у двери, и увезти. Он ещё не знал куда, но... Он мог только ждать.

Мимо, на ходу стягивая с себя дождевик, в парадную направилась дворничиха. Спустя несколько минут дверь открылась, и она показала снова. За собой толстуха тащила Ольгу, зарёванную, безучастную ко всему, и что-то ей тихо говорила. Макс выскочил из машины и бросился к ним. Тётка подтолкнула к нему Ольгу.

– Спасибо, – выдохнул Макс, крепко прижав Ольгу к себе.

– Да мне-то за что? – удивилась тётка.